

УДК 001

Шаров Константин Сергеевич

кандидат философских наук,
старший преподаватель философского факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
const.sharov@mail.ru

Konstantin S. Sharov

PhD Philosophy,
Senior Lecturer of Philosophy Department,
M. V. Lomonosov Moscow State University,
const.sharov@mail.ru

**Классический новоевропейский социально-философский дискурс
о гендерных ролях в обществе**

**Classical New European social philosophy discourse about gender roles
in the society**

***Аннотация.** В статье исследована классическая просветительская полемика по гендерному вопросу, с которой начался гендерный дискурс в социальной философии. Проанализированы взгляды Руссо, Уолстонкрафт, де Гуж и Чернышевского на социальные роли мужчин и женщин. Показано, что Руссо в своей теории воспитания сформулировал идею символического женского подчинения мужчине. С другой стороны, в трудах Мэри Уолстонкрафт берет начало социально-философский феминистский дискурс, а Олимпии де Гуж – политические феминистские воззрения, согласно которым женщина должна быть наделена равными с мужчиной политическими и юридическими правами, что нашло отражение в «Декларации прав женщины и гражданки».*

***Ключевые слова:** Гендер, власть, социум, гендерные отношения, гендерные стереотипы, Руссо, Уолстонкрафт, де Гуж*

***Abstract.** In the article, the classical Enlightenment polemics on the gender problem is considered with which the gender discourse in social philosophy started. The views of Rousseau, Wallstonecraft, de Gouges and Chernyshevsky on the social roles of men and women, are analysed. It is shewn that in his theory of education, J.-J. Rousseau formulated the idea of symbolic female submission to the man. On the other hand, in the writings of Mary Wallstonecraft, sociophilosophical feminist discourse begins, and Olympe de Gouges commenced the discussion of political feminist views, according to which a woman should be endowed with equal political and legal rights with men, as it is reflected in the “Declaration of the rights of woman and female citizen”.*

Key words: *Gender, power, society, gender relations, gender stereotypes, Rousseau, Wallstonecraft, de Gouges*

В процессе изучения гендерной сферы человеческих отношений при внимательном рассмотрении обнаруживается политический подтекст. Гендер репрезентируется в социуме не просто как идеологически нейтральный способ существования пола, но часто, и как политическая технология, целью которой является конструирование определенных образов мужчины и женщины, определенного типа их отношений, определенных границ, отделяющих норму от отклонения.

С помощью социальных технологий и через различные социальные институты у людей формируется гендерное сознание, при этом оказывается, что эти технологии, хотя не совсем универсальны и характеризуются различной вариативностью, тем не менее, пронизывают всю систему человеческих отношений, все идейно-значимые сферы социальных связей: социализацию, воспитание и образование, религию и искусство, СМИ и моду и т. п. [6, с. 325] Постепенно гендерные образы кодифицируются как определенные гендерные стереотипы, и таким образом осуществляется политическое – именно политическое, поскольку налицо все инструменты менеджмента массового сознания – управление гендером в социуме [7, с.18].

С другой стороны, когда встает вопрос об отношениях власти в социуме, тут же вспоминают гендерные проблемы, поскольку феминизм зародился как *политическое* течение, и лишь значительно позднее стали развиваться его социологические, философские, лингвистические и иные основания [9, с.22-25]. Расхожий стереотип, согласно которому в гендерном поле властные отношения перманентно строятся по принципу субъект-объектного воздействия мужчин на женщин, бытует в нашей культуре уже, наверное, начиная со времен Перикла и Аспасии. Так ли это? Действительно ли женщины поработены мужчинами и на протяжении всей истории вынуждены им подчиняться?

В данной статье рассмотрим самый первый по времени социально-философский дискурс по гендерному вопросу, с которого, по сути, и зародились гендерные исследования как часть философии.

Н. Г. Чернышевский, более политик, чем писатель, в своем единственном романе «Что делать?» в четырех знаменитых снах Веры Павловны, возможно, впервые в русской литературе пытается решить гендерную проблему властных отношений. Подходя к ней с позиций историцизма, он делает вывод, что пока женщина все еще угнетена в рамках государственной власти и легализованной ей власти в семье. Однако он полагал, что середина девятнадцатого века в России ознаменовалась коренным переломом в гендерном сознании общества, что в будущем должно было, с его точки зрения, привести к освобождению женщин от семейной и государственной зависимости.

Понимание несправедливости гендерного распределения власти, по Чернышевскому, началось не ранее как с Ж. Ж. Руссо, который в своих романах поднял вопрос о месте и роли женщин в структуре властных отношений: «Это было недавно, о, это было совсем недавно. Ты знаешь ли, кто первый почувствовал, что я родилась, и сказал это другим? Это сказал Руссо в «Новой Элоизе». В ней, от него люди в первый раз услышали обо мне... Мужчина становился разумнее, женщина тверже и тверже сознавала себя равным ему человеком – и пришло время, родилась я... И с той поры мое царство растет. Еще не над многими я царица. Но оно быстро растет, и ты увидишь то время, когда я буду царствовать над всею землею. Только тогда вполне почувствуют люди, как я хороша» [4, с. 311].

Такая точка зрения русского мыслителя не вполне стандартна, поскольку, если вспомнить мысли самого Руссо по поводу распределения власти в обществе, они вряд ли покажутся такими уж проженскими. В романе «Эмиль, или О воспитании» французский просветитель в мельчайших деталях описывает, как процесс социализации приводит к выстраиванию системы властных отношений в гендерном поле. Руссо утверждает, что «все мы рождаемся два раза: раз – чтобы существовать, другой – чтобы жить, раз – как представители рода, другой – как представители пола» [2, т. 1, с.245].

Что касается представителей мужского пола, образчиком которых выступает Эмиль, их доминирующее положение в системе власти определяется «самой природой», которая направляет образование и воспитание в рамках первичной социализации. Но с женщинами все по-другому. Описывая образовательные программы для Софии, спутницы Эмиля, Руссо настаивает на мысли о том, что вместо автономии и самодостаточности в здесь необходимо воспитывать чувство зависимости и послушания. «Женщина создана на то, чтобы уступать мужчине и переносить обиду с его стороны» [2, т. 1, с.485]. Софи должна получить «образование» с единственной целью – быть приятной Эмилю. Руссо убежден, что «все эти женщины с великими талантами морочат ими одних глупцов... Достоинства ее в том, чтобы быть неизвестною, слава ее – в уважении мужа, удовольствие ее – в счастье семейства» [2, т. 1, с.501]. Получается, что у Руссо в гендерной системе власти детерминанта сдвинута в сторону семейной власти и власти мужчины как мужа.

Все, что изучала Софи, было задумано таким образом, чтобы воспитать в ней послушную, добрую, приветливую, всегда на все согласную тень Эмиля. Учитель обращается к Софи с такими словами: «Делаясь вашим супругом, Эмиль стал вашим главою, вам предстоит повиноваться – так захотела природа». И это мог написать Руссо, который всю жизнь изображал себя человеком, ненавидящим любое рабство и неравенство! Видимо, на женщин его взгляды в отношении освобождения человечества совершенно не распространялись.

Взгляды Руссо на формирование гендерной составляющей власти были подвергнуты критике английской писательницей Мэри Уолстонкрафт. Она осуждала, прежде всего, его убеждения, что добродетели и достоинства для мужчин и женщин составляют две совершенно независимых этических сферы, и главное призвание женщины – всего лишь нравиться мужчинам. Доказательство своей точки зрения Уолстонкрафт находит в том, что мужской взгляд на женщину как на социальное существо, вовлеченное в структуру власти, не может понять самого существа женской специфики.

«Пусть меня сочтут самонадеянной особой, все же я выскажу то, в чем твердо убеждена: все от Руссо до доктора Грегори, кто писал о женщине, ее воспитании и поведении, неизменно выставляли ее в искаженном свете, показывая как существо более слабое, чем она в действительности является... Руссо утверждает, будто женщина никогда, ни на миг не способна почувствовать себя независимой, что ею надо руководить, внушая страх, тогда лишь вырабатываются ее «естественные» прелести, и она превратится в рабыню-кокетку, тем самым становясь все более соблазнительной, все более желанной подругой для мужчины, вздумавшего на время отвлечься от своих дел. Руссо приводит доводы, якобы почерпнутые из естественного мира и даже более глубоких исследований и приводит мысль, будто любовь к истине и силу духа следует воспитывать не в каждом случае, ибо в воспитании женщины самое главное развить в ней покорность, и свойство это следует внушать со всей строгостью...» [11, с.44]

В заключение Уолстонкрафт делает вывод, что власть в гражданском обществе, особенно в ее гендерном разрезе, не может строиться на аксиоматическом признании различной гендерной этики для разных полов. Поведение женщин должно основываться на одинаковых принципах с мужскими и иметь ту же цель [3, с.27].

Во Франции другая противница идей Руссо Олимпия де Гуж пыталась доказать легальность достойного положения женщин в системе республиканской власти, возникшей после революции 1789 г. Через два года после провозглашения «Декларации прав человека и гражданина» де Гуж написала «Деларацию прав женщины и гражданки», где отстаивала идею, чтобы права человека, в том числе и политические, распространялись как на мужчин, так и на женщин [5]. За эту акцию якобинцы отправили де Гуж в 1793 г. на гильотину. Революционная справедливость отводила женщинам подчиненное положение в системе власти [8, с.522].

Вскоре после этого мадам де Сталь убедительно продемонстрировала, что формирование властных отношений в социуме не должно никак связываться с природной «властью» в животном мире и тем самым опровергла натуралистические взгляды Руссо. С точки зрения де Сталь, «существование женщины в социуме не предопределено

никакими принципами: ни естественным порядком вещей, ни предписанными стереотипами власти» [1, с.11].

Век спустя после Руссо марксизм дал возможность рассмотреть положение женщин как угнетенного класса с точки зрения классовой теории [10, с.34]. Это способствовало более углубленному анализу способов выстраивания связей в гендерной структуре власти, а с другой стороны, методов, используя которые квази-равноправные политические идеи применялись для маскировки всевозможных гендерных форм неравенства.

Литература

1. Айвазова, С. Симона де Бовуар: этика подлинного существования / С. Де Бовуар. Второй пол. М.: Прогресс, 1997.
2. Руссо, Жан Жак. Эмил, или О воспитании / Ж. Ж. Руссо. Педагогические сочинения. В 2-х т. М.: Просвещение, 1981. Т. 1. С. 245.
3. Уолстонкрафт, Мэри. В защиту прав женщин / Феминизм: проза, мемуары, письма. М.: Прогресс, 1992. С. 27.
4. Чернышевский, Н. Г. Что делать? М.: Просвещение, 1979.
5. De Gouges O. Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne. Paris, 1971.
6. Horney K. The flight from womanhood: The masculinity complex in women as viewed by men and women // International Journal of Psychoanalysis. 1926. № 7. P. 324-339.
7. Loewenstein R. J. and Ross D. R. Multiple personality and psychoanalysis: An introduction // Psychoanalytic Inquiry. 1992. V. 12. P. 3—48.
8. MacKinnon, C. Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory // Signs. – 1982. – V. 7. – № 3. – P. 515-544.
9. McCann V. Human Relations: The Art and Science of Building Effective Relationships. – New Haven, 2007. – 479 p.
10. Sayers, Janet; Evans, Mary; and Redclift, Nanette. Engels Revisited: New Feminist Essays. London and New York: Tavistock, 1987.
11. Wallstonecraft, Mary. Vindication of the Rights of Woman. Harmondsworth: Penguin, 1975. P. 44.

Literature

1. Ayvazova, S. Simona de Beauvoir: ethics of original existence / Page. De Beauvoir. Second floor. M.: Progress, 1997.
2. Russo, Jean Jacques. Emil, or About education / Zh.Zh. Russo. Pedagogical compositions. In the 2nd TM: Education, 1981. T. 1. Page 245.
3. Mary. In protection of the rights women / Feminism: prose, memoirs, letters. M.: Progress, 1992. Page 27.
4. Chernyshevsky, N. G. What to do? M.: Education, 1979.
5. De Gouges O. Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne. Paris, 1971.

6. Horney K. *The flight from womanhood: The masculinity complex in women as viewed by men and women* // *International Journal of Psychoanalysis*. 1926. № 7. P. 324-339.
7. Loewenstein R. J. and Ross D. R. *Multiple personality and psychoanalysis: An introduction* // *Psychoanalytic Inquiry*. 1992. V. 12. P. 3—48.
8. MacKinnon, C. *Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory* // *Signs*. – 1982. – V. 7. – № 3. – P. 515-544.
9. McCann V. *Human Relations: The Art and Science of Building Effective Relationships*. – New Haven, 2007. – 479 p.
10. Sayers, Janet; Evans, Mary; and Redclift, Nanneke. *Engels Revisited: New Feminist Essays*. London and New York: Tavistock, 1987.
11. Wallstonecraft, Mary. *Vindication of the Rights of Woman*. Harmondsworth: Penguin, 1975. P. 44.